

УДК 397(=512.31)

К истокам формирования скотоводческого хозяйства бурят

А. Д. Цыбиктаров

Бурятский государственный университет

Аннотация. Рассмотрена проблема формирования в Забайкалье основы традиционного хозяйства бурят XVII – начала XX в. – кочевого и полукочевого скотоводства. С использованием ретроспективного метода показано наличие кочевого скотоводства у различных этнических общностей Байкальского региона от XVI–XVII вв. до середины II тыс. до н. э. При этом вносится корректировка в определение специалистами-этнографами даты формирования этой формы ведения скотоводства в регионе Бурятии временем около трех тысяч лет назад, т. е. в начале I тыс. до н. э. В настоящем исследовании предложена новая датировка времени возникновения кочевого скотоводства в Забайкалье и Монголии, которая определяется серединой II тыс. до н. э. Данный вывод основан на корреляции материалов археологии и палеогеографии Южного Забайкалья и Монголии.

Ключевые слова: буряты, кочевое скотоводство, происхождение, ретроспективный метод, средневековье, древность, палеогеография, климатические изменения, аридизация, адаптация.

Введение

Основой традиционного хозяйства бурят со времени формирования бурятской народности до недавнего прошлого, конца XIX – начала XX в., являлось кочевое скотоводство. Другие отрасли хозяйства, охота, собирательство, земледелие, играли не столь важную роль по сравнению с ним. Важное место в структуре хозяйства занимало ремесло, но оно, тем не менее, имело обслуживающее значение, обеспечивая население орудиями труда и разнообразными предметами быта. Некоторые перемены, происходившие в скотоводческом хозяйстве бурят после вхождения Бурятии в состав России на протяжении XVII – начала XX в., все же не изменили традиционных форм его ведения. Скотоводство на территории этнической Бурятии в зависимости от природно-климатических условий в той или иной области по-прежнему носило кочевой и полукочевой характер. Особенности его ведения определили специфику уклада жизни, материальной и духовной культуры бурятского народа.

Буряты традиционно разводили пять видов скота: лошадей, овец, коз, крупный рогатый скот и верблюдов. В условиях резко континентального климата Забайкалья и отчасти Предбайкалья с жарким сухим летом и суровой малоснежной зимой скот круглый год находился на подножном корму, что предопределило кочевой и полукочевой уклад скотоводческого хозяйства. По мере истощения пастбищ в результате выпаса скота буряты прово-

дили сезонные перекочевки в соответствии с временами года, а более обеспеченные скотом люди совершали их и внутри сезонов. В конце XVII в. кочевое и полукочевое скотоводство бурят, по мнению ученых, находилось практически в неизменном виде по сравнению со временем накануне вхождения Бурятии в состав России (конец XVI – начало XVII в.), хотя к этому времени край уже на протяжении долгого времени был в сфере влияния Российского государства. На протяжении XVII–XX вв. по мере земледельческого освоения края русским населением и расширения земледелия в хозяйственных занятиях бурят постепенно происходил переход на двухразовые сезонные кочевки по схеме летники-зимники, но и при этом полукочевой уклад скотоводства принципиально не изменился [История Бурят-Монгольской АССР ... , 1954, с. 59–66; Вяткина, 1969, с. 63–64, 67, 69–77; Очерки истории и культуры Бурятии ... , 1972, с. 141–142; Буряты ... , 2004, с. 93–105; История Бурятии ... , 2011б, с. 24–26].

В соответствии с доминирующей ролью скотоводства в структуре хозяйства буряты, наряду с монголами, по своему хозяйственно-культурному типу относились к скотоводам-кочевникам аридных (сухих) степей Евразии. При этом нередко Монголию определяют как страну классического кочевogo скотоводства. При разведении различных видов домашних животных у бурят, как и монголов, в составе стада преобладали лошади и мелкий рогатый скот – овцы и козы. Эта особенность объясняется тем, что данные животные лучше приспособлены к перемещениям по степным просторам на дальние расстояния, а лошади, обладая свойством тебеневки (добывать корм из-под снега, разгребая его копытами, при этом не травмируя их), открывали доступ к корму другим животным в зимнее время, особенно в дни сильных снегопадов. Возникновение этой формы ведения скотоводства в регионе Бурятии специалисты-этнографы, опираясь на данные археологии, обычно определяют временем около 3 тыс. л. н. [Буряты ... , 2004, с. 93; История Бурятии ... , 2011а, с. 24], приходящимся по археологической периодизации степной зоны Евразии на самый конец бронзового – начало раннего железного века, т. е. первые века I тыс. до н. э.

Методы исследования

В археологии общепризнанным приемом определения истоков того или иного события исторической действительности является ретроспективный метод. Он предполагает выяснение происхождения тех или иных аспектов изучаемой исторической реальности путем установления их корней в прошлом, начиная от времени их исторической фиксации на данной территории вглубь времени, у тех или иных древних обществ на данной территории. В результате формируется линия преемственности того или иного аспекта характеристики конкретной этнической общности от общностей, которые ей предшествовали во времени. Ретроспективный метод, создавая такую последовательную цепочку преемственности во времени, позволяет достаточно достоверно устанавливать истоки формирования той или иной стороны культуры интересующей исследователя этнической общности. При этом надежность ретроспективного метода в значительной мере повышается, ес-

ли прослеживается этническая, языковая преемственность между последующей и предшествующей общностями, проживавшими в пределах территориальных границ изучаемого региона. Применительно к рассматриваемому аспекту традиционной культуры бурят ретроспективный метод предполагает установление наличия кочевого и полукочевого скотоводства на их этнической территории у средневековых и более древних общностей, обитавших в ее пределах. Так, по мере углубления от XVI–XVII вв. по шкале времени в более ранние исторические периоды можно выявить истоки формирования номадного хозяйства бурят.

Обсуждение материалов и источников

По рассматриваемой теме имеется определенный объем сведений в письменных и археологических источниках средневекового и хуннского времени, а по более ранним периодам древней истории края информация о формах ведения хозяйства имеется исключительно в археологических источниках. Использование материалов сначала из письменных, а затем археологических источников позволяет выявить время появления скотоводства кочевого и полукочевого типа в регионе Южного Забайкалья, а значит, и истоки хозяйственно-культурного типа скотоводов-кочевников аридных (сухих) степей, представителями которых являются буряты.

Вместе с тем при изучении рассматриваемого вопроса необходимо учитывать данные с территории соседней Монголии, так как начиная со времени развитого неолита (середины III тыс. до н. э.) культурно-исторические процессы в степной зоне Южного Забайкалья и прилегающих районах Монголии развивались в близком направлении. Об этом свидетельствует распространение на этих территориях сходных археологических культур от завершающего периода каменного века до средневековой эпохи. В эпоху неолита в степных районах Забайкалья была распространена ононская культура [Окладников, Кириллов, 1980, с. 144–163; Кириллов, 1981, с. 23–31], а в Восточной Монголии ее аналог – тамцаг-булакская культура [Дорж, 1990, с. 26–27, 30–31; Окладников, Деревянко, 1970]. В бронзовом и раннем железном веках в этих областях севера Центральной Азии сначала в конце III – первой половине II тыс. до н. э. развивалась селенгинско-даурская культура [Цыбиктаров, 2003, с. 16–17, 20–21, 29–30; 2006, с. 74–101, 149–158], а затем с середины II тыс. до н. э. до VI–III вв. до н. э. – культура плиточных могил [Сосновский, 1940, 1941; Диков, 1958; Волков, 1967; Гришин, 1981; Цыбиктаров, 1998; Эрдэнэбаатар, 2002]. Позднее, с конца III в. до н. э. до II в. н. э., в Монголии и Юго-Западном Забайкалье фиксируется культура хунну [Доржсурен, 1961; Руденко, 1962; Коновалов, 1976; Давыдова, 1985], а в Восточном Забайкалье – сходная, пусть не до идентичности, с ней зоргольская культура [Яремчук, 2005]. Подобный вывод о развитии культурно-исторических процессов в близком направлении, с некоторыми пояснениями о специфике исторических процессов в эпоху средневековья, можно сделать и в отношении этого периода в истории Южного Забайкалья и Монголии.

Выявляя истоки формирования скотоводства кочевого и полукочевого типа Южного Забайкалья, необходимо также учитывать и природно-

географический фактор. Степи и лесостепи этого региона являются естественным продолжением таких же природных зон Монголии, которые отсюда плавно переходят на территорию Забайкалья. Средневысотная горная страна Центральной Монголии, расположенная между Хангайским и Хэнтэйским нагорьями, на севере постепенно переходит на территорию Западного Забайкалья, где она известна под названием Селенгинского среднегорья [Мурзаев, 1952, с. 352; Предбайкалье и Забайкалье, 1965, с. 366]. Равнины Восточной Монголии на северо-востоке плавно заходят в Восточное Забайкалье, где именуются Улдза-Торейской равниной и Ононской впадиной [Мурзаев, 1952, с. 115–116; Предбайкалье и Забайкалье ... , 1965, с. 375–376; Типы местности ... , 1961, с. 7]. Соответственно климатические условия обеих областей, Монголии и Южного Забайкалья, характеризуются одними и теми же особенностями резко континентального климата [Мурзаев, 1952, с. 205, рис. на с. 207; Ёндогийн, 1972, с. 11; Предбайкалье и Забайкалье, 1965, с. 92, 101, 366, 376; Типы местности ... , 1961, с. 14]. Таким образом, экологическая среда обитания древних и средневековых общностей степной и лесостепной зоны Забайкалья и Монголии была сходна, она одинаково влияла на формирование разных сторон их культуры в обоих регионах, в том числе на структуру хозяйства и в конечном итоге – на хозяйственно-культурный тип населения.

И наконец, нельзя не учитывать фактор этнической преемственности общностей, живших на территории Южного Забайкалья и Монголии на протяжении обозримой исторической ретроспективы. При наличии непосредственной этнической связи общности той или иной эпохи с населением предшествующего времени можно более надежно обосновывать истоки тех или иных составляющих культуры, в данном случае скотоводства кочевого и полукочевого типа, в культурном комплексе населения более раннего времени.

Исходя из вышеизложенных установок, можно утверждать, что хозяйственно-культурный тип бурят времени накануне их вхождения в состав России (XVI – начало XVII в.), а вместе с ним и скотоводство кочевого и полукочевого типа, было унаследовано от средневековых монголов времени формирования единого государства, имперского и позднесредневекового периодов – XII–XVI вв. Основанием для этого служит общепризнанный факт принадлежности страны Баргуджин-тукум к монгольскому миру. В территориальном же отношении Баргуджин-тукум занимал области по обе стороны Байкала на юг до монгольских степей и в значительной мере совпадает с территорией этнической Бурятии [Зориктуев, 2011, с. 130–132]. Как известно, в письменных источниках первой половины II тыс. н. э. монголы, жившие в степных и лесостепных районах Монголии и Южного Забайкалья, предстают как общность племен, которые занимались кочевым и полукочевым скотоводством.

Скотоводство кочевого и полукочевого типа на территории этнической Бурятии в более ранние периоды средневековой эпохи фиксируется по археологическим источникам. В Южном Забайкалье и Монголии в эпоху средневековья с VII до XIV–XV вв. существовала раннемонгольская археологическая культура, выделенная Н. В. Именохоевым. Она в своем развитии

прошла два этапа: хойцегорский (VII–X вв.) и саянтуйский (X–XIV вв.) [Именохоев, 1989, 1992]. Имеются разные точки зрения о культурной принадлежности археологических памятников хойцегорского и саянтуйского типов. В частности, Л. Р. Кызласов выделяет их в разные археологические культуры [Кызласов, 1981, с. 59–61]. В данном отношении автор настоящего исследования придерживается мнения Н. В. Именохоева, который показал наличие преемственности в погребальном обряде могильников хойцегорского и саянтуйского типов, а также своеобразие погребального комплекса раннемонгольской культуры на фоне одновременных средневековых археологических культур степной зоны Южной Сибири и Монголии [Именохоев, 1992, с. 26–46].

Саянтуйский этап в развитии раннемонгольской культуры в хронологическом отношении совпадает со временем становления, расцвета и упадка государственности средневековых монголов в XII–XVI вв. Принципиальное сходство погребального обряда саянтуйского времени с обрядом захоронения хойцегорского периода, в том числе в использовании берцовой или бедренной кости барана в качестве вместилища силы-сульдэ, свидетельствует об устоявшемся обряде захоронения у монгольских племен последней трети I – первой половины II тыс. н. э. [Именохоев, 1989, с. 56–61; 1992, с. 34–35].

Вместе с тем облик инвентаря в погребениях на всем протяжении существования раннемонгольской культуры подвергся изменениям в соответствии с динамикой развития материальной культуры населения евразийских степей эпохи средневековья. Но внутри выделенных этапов в значительной степени неизменной оставалась конструкция курганов и внутримогильных сооружений. Еще более яркой чертой, связывающей захоронения под курганами раннемонгольской культуры в единую этническую общность, являлся обрядовый ритуал установки в изголовье погребенного берцовой или бедренной кости барана узкой частью вниз, что указывало, вследствие «неудобности» установки в таком положении, на особую значимость данного ритуала. Именно эта характерная черта во многом придавала своеобразие и отличала погребения раннемонгольской культуры от других синхронных культур восточной части евразийской степной зоны: бурхотуйской, дарасунской и ундугунской Восточного Забайкалья, курумчинской Прибайкалья, древнетюркской (курайской) Алтая, Тувы и Монголии, сrostкинской Северного Алтая, культур чаатас, тюхтятской и аскизской Хакасии [Именохоев, 1992, с. 26–46].

Однако необходимо отметить, что прямых указаний в погребениях раннемонгольской культуры на занятия ее населением кочевым и полукочевым скотоводством не имеется. Лишь находки костей домашних животных, чаще барана, и указанный выше устоявшийся ритуал помещения в могилы берцовой или бедренной кости барана свидетельствуют о занятиях скотоводством. Но общеизвестные сведения письменных источников о средневековых монголах не оставляют сомнения в том, что скотоводство населения раннемонгольской культуры было кочевым и полукочевым. С другой стороны, преемственность в погребальном обряде раннемонгольских племен саянтуйского этапа от хойцегорского позволяет экстраполировать вывод о ха-

рактуре скотоводческого хозяйства монголов первой половины II тыс. на занятия населения хойцегорского этапа последней трети I тыс. н. э.

На территории Предбайкалья во второй половине I тыс. н. э. существовала курумчинская археологическая культура, оставленная тюркоязычными курыканами. В многоотраслевом хозяйстве курыкан, сочетавшем как производящие, так и присваивающие отрасли, существенное место занимало скотоводство с сезонным выпасом скота на летних и зимних пастбищах [Дашибалов, 1995, с. 137–144]. В данном случае уместно напомнить, что участие тюркоязычного компонента в этногенезе бурят, особенно западных предбайкальских, является общепризнанным фактом. Таким образом, скотоводство полукочевое типа во второй половине I тыс. н. э. получило распространение и в западной части территории этнической Бурятии.

Период времени в пределах II–VI вв. н. э., предшествующий начальному этапу раннемонгольской культуры, практически не известен по данным археологии в западной части Южного Забайкалья. В Восточном Забайкалье во второй половине I тыс. н. э. жили племена бурхотуйской культуры, которых в этническом отношении связывают с шивэй письменных источников. Часть шивэй была тунгусоязычна, а другая – монголоязычна. Для бурхотуйских племен степных районов Восточного Забайкалья был характерен подвижный образ жизни со скотоводческой основой экономики [Ковычев, 1984, с. 16–17, 22]. С I в. до н. э. по II в. н. э. в Восточном Забайкалье существовала зоргольская культура, этническая принадлежность населения которой определяется как сяньбийская [Яремчук, 2005]. Сяньби, по устоявшемуся мнению, были монголоязычными. Западное Забайкалье с конца III в. до н. э. вошло в состав государства Хунну. Этническая принадлежность хунну до сих пор является предметом острых дискуссий. Одни исследователи считают хунну монголоязычными, другие – тюркоязычными, а третьи полагают, что хунну говорили на вымершем языке, не дошедшем до нас [История Бурятии ... , 2011а, с. 155]. Вероятно, еще долгое время эта проблема будет оставаться дискуссионной. В контексте настоящей статьи важны выводы, что область распространения хуннских и зоргольских памятников в Забайкалье совпадает с территорией этнической Бурятии в этой части Восточной Сибири, и мнение о монголоязычности сяньби и, пусть с оговорками, хунну.

Погребальный обряд хунну и данные письменных источников Ханьского Китая не оставляют сомнения в том, что большая часть хуннского населения занималась кочевым и полукочевым скотоводством. По одному из вариантов погребального обряда в могилы помещались черепа домашних животных в количестве от 2–3 до 19 в Бурятии [Могильников, 1992, с. 268] и до 29 – в Монголии [Торбат, 2004, с. 13]. В китайских летописях, составленных современниками хунну, сообщается об их занятиях кочевым и полукочевым скотоводством. Хунну «вслед за пасущимся скотом кочевали с места на место. Из домашнего скота у них больше всего лошадей, крупного рогатого скота и овец, а из редкого скота – верблюдов, ослов, мулов... В поисках воды и травы (они) переходят с места на место, и, хотя у них нет городов, обнесенных внешними и наружными стенами, нет постоянного ме-

стожительств и они не занимаются обработкой полей, тем не менее каждый имеет выделенный участок земли» [Таскин, 1968, с. 34, 117].

Хунну в Забайкалье и Монголии предшествовала культура плиточных могил. Одни исследователи датировали ее в основном скифским временем, VII–II вв. до н. э. [Сосновский, 1941, с. 308; Киселев, 1954, с. 50; Волков, 1967, с. 43–44], другие полагали, что начало ее существования можно углубить до конца бронзового века – начала I тыс. до н. э. [Диков, 1958, с. 37–42] или даже карасукского времени по периодизации эпохи бронзы Южной Сибири – конца II тыс. до н. э. [Окладников, 1955, с. 126; Окладников, Дервянко, 1970, с. 87, 88, 157; Гришин, 1981, с. 99, 103, 124–128, 193]. Автором настоящего исследования была обоснована датировка этой культуры с начала эпохи поздней бронзы, XIII в. до н. э., до конца раннескифского времени, VI в. до н. э. [Цыбиктаров, 1989, с. 11–13; 1998, с. 90–104].

Г. П. Сосновский, А. П. Окладников по забайкальским и С. В. Киселев по монгольским материалам в общих чертах реконструировали скотоводческое хозяйство населения культуры плиточных могил, определяя его как кочевое и полукочевое [Сосновский, 1940, с. 41–42; 1941, с. 398; Окладников, 1954, с. 23; Киселев, 1954, с. 50]. Н. Н. Диков, отметив преобладание в плиточных могилах Забайкалья костей домашних животных над костными остатками диких животных, привел статистические материалы о соотношении костей разных видов скота. В учтенных им более 250 погребениях кости лошади были найдены в 49 могилах, овцы и барана – в 33, козы – в 4, быка – в 12 захоронениях. Ученый, опираясь на аналогии в сведениях путешественников П. С. Палласа и М. А. Кастрена о хозяйстве бурят, определил скотоводство населения культуры плиточных могил как кочевое и полукочевое с круглогодичным содержанием животных на подножном корму [Диков, 1958, с. 58]. К таким же выводам по материалам из монгольских плиточных могил пришел В. В. Волков. Он также привел статистические данные по материалам 18 могил. В них кости лошади были встречены в 8 погребениях, мелкого рогатого скота (овцы, козы) – в 5, крупного рогатого скота – в 5 [Волков, 1967, с. 92]. В результате исследований Н. Н. Дикова время формирования скотоводства кочевое и полукочевое типа в Забайкалье было удревнено до начала I тыс. до н. э.

Позже, в 1980-х гг., автор настоящей статьи учел материалы раскопок 542 плиточных могил на территории Забайкалья, Предбайкалья и Монголии. В 187 из них были найдены кости животных (табл.).

Таблица

Соотношение разных видов животных из раскопок плиточных могил (ПМ)

№	Виды животных	Кол-во ПМ	% от общего числа могил	Кол-во ПМ с костями животных
1	Лошадь	101	54,0	187
2	Мелкий рогатый скот	67	35,8	- // -
3	Крупный рогатый скот	31	16,6	- // -
4	Дикие животные	9	4,8	- // -
5	Собака	2	1,1	- // -

Более представительная выборка с находками костей животных в плиточных погребениях в целом подтвердила наблюдения Г. П. Сосновского, А. П. Окладникова, С. В. Киселева, Н. Н. Дикова и В. В. Волкова и их выводы о кочевом и полукочевом характере скотоводства населения культуры плиточных могил с преобладанием лошадей и мелкого рогатого скота в составе стада [Цыбиктаров, 1998, с. 48–51, 148–149]. Однако представляется, что сложение культуры плиточных могил произошло, как показало последующее обращение к этой проблеме, в период развитого бронзового века, в середине II тыс. до н. э., т. е. гораздо раньше, чем считали Н. Н. Диков, А. П. Окладников, Ю. С. Гришин и автор настоящего исследования. Этому способствовали природно-климатические изменения в степной зоне Монголии. По данным палеогеографии, около 4000 л. н. на рубеже среднего и позднего голоцена, т. е. в конце III – начале II тыс. до н. э., в Монголии произошло заметное увеличение сухости климата, сопровождавшееся похолоданием. Затем во второй четверти II тыс. до н. э. начинается фаза сухого теплого климата, продолжавшаяся около 300 лет. В течение этого времени развитие растительного мира на ее территории происходило по линии сокращения лесопокрытости в горных районах и ксерофитизации степной экосистемы [Ландшафтно-климатические изменения ... , 1989, с. 165; Динесман, Киселева, Князев, 1989, с. 197–199; рис. 1, 7; Дорофеев, 2008, табл. 2; Цыбиктаров, 2006, с. 58–59]. В схожем направлении развитие климата шло и в соседнем Забайкалье [Окладников, Кириллов, 1980, с. 161–162; Лбова, Гречищев, 1995, с. 9–10; Цыбиктаров, 2006, с. 60–61].

В конце III – начале II тыс. до н. э. в степных и лесостепных районах Южного Забайкалья, Восточной и отчасти Центральной Монголии проживало население селенгинско-даурской культуры эпохи раннего металла (времени энеолита и ранней бронзы). Ее экономика носила комплексный характер, сочетая отрасли развитой присваивающей (охота, рыболовство, собирательство) и набиравшей силу производящей экономики (земледелие, скотоводство). Они дополнялись появившейся металлургией. При этом присваивающие виды занятий еще не отошли на второй план, а новые еще не стали ведущими отраслями [Цыбиктаров, 2003, с. 16–17, 29–30; 2006, с. 74–101, 149–158]. Это население на протяжении нескольких столетий жило в очень сложный в климатическом отношении период времени. Палеогеографические материалы, указанные выше, позволяют заключить, что климатические изменения конца III – первой половины II тыс. до н. э., вероятно, завершились к середине II тыс. до н. э. установлением резко континентального климата.

Происходившие климатические изменения напрямую влияли на хозяйственные занятия и уклад жизни населения селенгинско-даурской культуры. Ее носители в условиях смены природной обстановки в сторону резкой континентальности вынуждены были постепенно все больше переключаться на скотоводство, так как аридизация сопровождалась ухудшением условий для занятия земледелием и расширением степных пространств, которые можно было использовать в качестве пастбищ для скота. Соответственно падало значение других отраслей хозяйственной деятельности – земледелия, охоты,

собиранья и рыболовства. С установлением резко континентального климата в середине II тыс. до н. э. с жарким сухим летом и малоснежной зимой обитатели степей Южного Забайкалья и Монголии перешли на круглогодичное содержание скота на подножном корму. Смена хозяйственного уклада повлияла на облик материальной и духовной культуры, в том числе на погребальный обряд. В результате произошла трансформация культуры оседлого пастушеско-земледельческого населения селенгинско-даурской культуры, которая завершилась сложением культуры плиточных могил. Археологические материалы из раскопок ранней группы плиточных могил тологийского типа содержат артефакты, близкие материалам селенгинско-даурской культуры и, таким образом, согласуются с предложенным видением происхождения культуры плиточных могил [Цыбиктаров, 2003, с. 25–26, 29–30]. В результате можно сделать вывод о том, что формирование кочевого и полукочевого скотоводства в Южном Забайкалье, на территории этнической Бурятии, произошло не в позднем бронзовом веке (конец II – начало I тыс. до н. э.) или в скифское время (VII–II вв. до н. э.), а раньше – в период развитой бронзы, т. е. в середине II тыс. до н. э.

Вопрос об этнической принадлежности населения культуры плиточных могил вследствие недостаточности источниковой базы разработан слабо. Существуют разные точки зрения, которые во многом носят умозрительный характер и могут быть приняты лишь на уровне, скорее, предположений, чем обоснованных аргументированных разработок. Одни исследователи высказываются за монголоязычность носителей этой культуры [Волков, 1967, с. 106–107; Новгородова, 1981, с. 211–212 и др.], другие – за тюркоязычность [см. Окладников, 1955, с. 10; Окладников, Кириллов, 1980, с. 168; Диков, 1958, с. 69–70 и др.]. Одним из источников при изучении вопроса о преемственности между различными этническими общностями той или иной территории являются палеоантропологические материалы. По антропологическим особенностям носители культуры плиточных могил характеризуются особенностями центральноазиатской расы континентальных монголоидов, представителями которой являются также хунны, население средневекового времени Монголии, включая носителей раннемонгольской культуры, а также буряты, монголы, тувинцы, алтайцы и якуты [Тумэн, 1985, с. 7–8, 10–14; Алексеев, Гохман, Тумэн, 1987, с. 231, 237; Алексеев, 1984, с. 102–103, 165]. Таким образом, данные антропологии в определенной мере согласуются с обоснованными в разной степени выводами об этнической преемственности предков бурят XVI – начала XVII в. со средневековыми и древними этническими общностями, оставившими археологические культуры бронзового, раннего железного веков и средневекового времени Байкальского региона.

Выводы

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы. Кочевой и полукочевой уклад скотоводческого хозяйства бурят, зафиксированный в письменных источниках XVII–XVIII вв. после вхождения Бурятии в состав России,

был унаследован их предками от населения средневековой раннемонгольской археологической культуры, датируемой VII–XV вв. Монголоязычные племена этой культуры в пределах Байкальского региона представляли собой население северной окраины Монгольской империи, известной под названием Баргуджин-тукум. Истоки кочевого и полукочевого скотоводства носителей раннемонгольской культуры, в свою очередь, фиксируются у хуннского населения Забайкалья и Монголии рубежа эр. Однако данный тип ведения скотоводческого хозяйства сложился не у хунну, а у населения предшествующего времени раннего железа и эпохи бронзы – носителей культуры плиточных могил в середине II тыс. до н. э. Сложение кочевничьего скотоводства, сопровождавшегося формированием культуры плиточных могил, было связано с установлением резко континентального климата в горностепных районах Монголии и Южного Забайкалья. Переход к круглогодичному содержанию скота на подножном корму в условиях малоснежных зим и засушливых летних сезонов был наиболее оптимальной формой хозяйственной адаптации степного населения к изменениям окружающей природной среды. Прослеженное ретроспективным методом выявление истоков формирования кочевничьего скотоводческого хозяйства бурят пусть не в полной мере, а с известными допущениями подтверждается данными об этнической преемственности различных общностей Байкальского региона от предков бурят XVI – начала XVII в. до бронзового века.

Список литературы

- Алексеев В. П.* Антропология азиатской части СССР / В. П. Алексеев, И. И. Гохман. – М. : Наука, 1984. – 208 с.
- Алексеев В. П.* Краткий очерк палеоантропологии Центральной Азии (каменный век – эпоха раннего железа) / В. П. Алексеев, И. И. Гохман, Д. Тумэн. // Археология, этнография и антропология Монголии. – Новосибирск : Наука, 1987. – С. 231.
- Буряты* / отв. ред. Л. Л. Абаева, Н. Л. Жуковская. – М. : Наука, 2004. – 633 с.
- Волков В. В.* Бронзовый и ранний железный века Северной Монголии / В. В. Волков. – Улан-Батор : Изд-во АН Монголии, 1967. – 148 с.
- Вяткина К. В.* Очерки культуры и быта бурят / К. В. Вяткина. – Л. : Наука, 1969. – 219 с.
- Гришин Ю. С.* Памятники неолита, бронзового и раннего железного веков лесостепного Забайкалья / Ю. С. Гришин. – М. : Наука, 1981. – 204 с.
- Давыдова А. В.* Иволгинский комплекс – памятник хунну в Забайкалье / А. В. Давыдова. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1985. – 110 с.
- Дашибалов Б. Б.* Археологические памятники курыкан и хори / Б. Б. Дашибалов. – Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 1995. – 191 с.
- Диков Н. Н.* Бронзовый век Забайкалья / Н. Н. Диков. – Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1958. – 108 с.
- Динесман Л. Г.* История степных экосистем Монгольской Народной Республики / Л. Г. Динесман, Н. К. Киселева, А. В. Князев. – М. : Наука, 1989. – 215 с. – (Биол. ресурсы и природные условия Монгольской Народной Республики ; т. 32).
- Дорж Д.* Каменный век Монголии : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Д. Дорж. – Новосибирск, 1990. – 37 с.
- Доржсурен Ц.* Умард хунну / Ц. Доржсурэн. – Улаанбаатар, 1961. – 111 с.
- Дорофеюк Н. И.* Реконструкция природных условий Внутренней Азии в позднеледниковье и голоцене (по материалам диатомового и палинологического анализов

озерных осадков Монголии) : автореф. дис. ... д-ра биол. наук / Н. И. Дорофеев. – М., 2008. – 49 с.

Ёндогийн Г. Атмосферные осадки Монгольской народной республики : автореф. дис. ... канд. геогр. наук / Г. Ёндогийн. – Л., 1972. – 15 с.

Зориктуев Б. Р. Актуальные проблемы этнической истории монголов и бурят / Б. Р. Зориктуев. – М. : Вост. лит., 2011. – 278 с.

Именохоев Н. В. К вопросу о культуре ранних монголов (по данным археологии) / Н. В. Именохоев. // Этнокультурные процессы Юго-Восточной Сибири в средние века. – Новосибирск : Наука, 1989. – С. 55–62.

Именохоев Н. В. Раннемонгольская археологическая культура / Н. В. Именохоев. // Археологические памятники эпохи средневековья в Бурятии и Монголии. – Новосибирск : Наука, 1992. – С. 25–48.

История Бурят-Монгольской АССР / редкол.: П. Т. Хаптаев, С. А. Токарев, П. И. Хадалов, А. П. Окладников, В. И. Дулов, С. Д. Дылыков, П. Н. Матханов. – Улан-Удэ : Бурят-монг. кн. изд-во, 1954. – 496 с.

История Бурятии. Т. 1 / отв. ред. С. В. Данилов, науч. ред. П. Б. Коновалов. – Древность и средневековье. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2011а. – 328 с.

История Бурятии. Т. 2 / отв. ред. Б. В. Базаров, науч. ред. О. В. Бураева. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2011б. – 624 с.

Кириллов И. И. Восточное Забайкалье в древности : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / И. И. Кириллов. – Новосибирск, 1981. – 38 с.

Киселев С. В. Эпоха производства орудий из бронзы / С. В. Киселев // История Монгольской народной республики. – М. : Изд-во АН СССР, 1954. – С. 46–51.

Ковычев Е. В. История Забайкалья I – сер. II тыс. н. э. / Е. В. Ковычев. – Иркутск : Изд-во ИГПИ, 1984. – 82 с.

Коновалов П. Б. Хунну в Забайкалье / П. Б. Коновалов. – Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1976. – 247 с.

Кызласов Л. Р. Средневековые памятники Западного Забайкалья / Л. Р. Кызласов // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. – М. : Наука, 1981. – С. 59–61.

Ландшафтно-климатические изменения в Центральной Монголии в голоцене / П. Б. Виппер, Н. И. Дорофеев, Е. П. Метельцева, В. Т. Соколовская // Палеоклиматы позднеледниковья и голоцена. – М. : Наука, 1989. – С. 160–167.

Лбова Л. В. К проблеме поселений эпохи металла степной зоны Западного Забайкалья / Л. В. Лбова, Э. Р. Гречищев // Культуры и памятники бронзового и раннего железного веков Забайкалья и Монголии. – Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 1995. – С. 7–17.

Могильников В. В. Хунну Забайкалья / В. А. Могильников // Археология СССР. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М. : Наука, 1992. – С. 254–273.

Мурзаев Э. М. Монгольская Народная Республика. Физико-географический очерк / Э. М. Мурзаев. – М., Географгиз, 1952. – 472 с.

Новгородова Э. А. Ранний этап этногенеза народов Монголии (конец III – I тыс. до н. э.) / Э. А. Новгородова // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н. э.). – М. : Наука. Гл. ред. вост. лит., 1981. – С. 207–215.

Окладников А. П. Эпоха первобытнообщинного строя на территории Бурят-Монгольской АССР / А. П. Окладников // История Бурят-Монгольской АССР. Т. 1. – Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1954. – С. 9–24.

Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Ч. 3. Глазковская культура / А. П. Окладников. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1955. – 374 с. – (МИА ; № 43)

Окладников А. П. Тамцаг-Булак – неолитическая культура Восточной Монголии / А. П. Окладников, А. П. Деревянко // Материалы по истории и филологии Центральной Азии. – Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1970. – С. 3–20.

- Окладников А. П.* Юго-Восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы / А. П. Окладников, И. И. Кириллов. – Новосибирск : Наука, 1980. – 176 с.
- Очерки истории и культуры Бурятии.* Т. 1 / редкол.: Е. М. Залкинд, Н. В. Ким, Т. М. Михайлов. – Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1972. – 491 с.
- Предбайкалье и Забайкалье.* Природные условия и естественные ресурсы СССР / отв. ред. И. П. Герасимов. – М. : Наука, 1965. – 492 с.
- Руденко С. И.* Культура хуннов и ноинулинские курганы / С. И. Руденко – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1962. – 206 с.
- Сосновский Г. П.* Ранние кочевники Забайкалья / Г. П. Сосновский // КСИИМК. – 1940. – Вып. 8. – С. 36–42.
- Сосновский Г. П.* Плиточные могилы Забайкалья / Г. П. Сосновский // ТОИПК ГЭ. – 1941. – Т. 1. – С. 273–309.
- Таскин В. С.* Материалы по истории сюнну. Вып 1 / В. С. Таскин. – М. : Наука, 1968. – 178 с.
- Типы местности и природное районирование Читинской области* / В. Н. Олюнин [и др.] ; отв. ред. С. П. Попов, В. С. Преображенский. – М. : Изд-во АН СССР, 1961. – 158 с.
- Торбат Ц.* Погребальная обрядность рядовых хунну : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Ц. Торбат. – Улаанбаатар, 2004. – 23 с.
- Тумэн Д.* Вопросы этногенеза монголов в свете данных палеоантропологии : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Д. Тумэн. – М., 1985. – 20 с.
- Цыбиктаров А. Д.* Культура плиточных могил Забайкалья и Монголии : автореф. дис. ... канд. ист. наук / А. Д. Цыбиктаров. – М., 1989. – 24 с.
- Цыбиктаров А. Д.* Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья / А. Д. Цыбиктаров. – Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 1998. – 288 с.
- Цыбиктаров А. Д.* Центральная Азия в эпоху бронзы и раннего железа (II – первая половина I тыс. до н. э.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / А. Д. Цыбиктаров. – Новосибирск, 2003. – 49 с.
- Цыбиктаров А. Д.* Центральная Азия на заре бронзового века (конец III – первая половина II тыс. до н. э.) / А. Д. Цыбиктаров. – Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2006. – 236 с.
- Эрдэнэбаатар Д.* Монгол нутгийн дорволжин булш, хиригсуурийн соёл / Д. Эрдэнэбаатар. – Улаанбаатар : Соембо принтинг, 2002. – 275 с.
- Яремчук О. А.* Могильник Зоргол-I – памятник хунно-сяньбийской эпохи степной Даурии : автореф. дис. ... канд. ист. наук / О. А. Яремчук. – Новосибирск, 2005. – 23 с.

On the Origin of the Cattle Breeding among Buryats

A. D. Tsibiktarov

Buryat State University

Abstract. The article deals with the problem of forming a traditional Buryats' economy in Transbaikalia from 17th – till the beginning of 20th centuries. The nomad and semi nomadic cattle's breeding has determined features way of life, specificity of material and spiritual culture of the Buryat people. The author, using a retrospective method shows the cattle breeding availability in the different ethnical communities of the Baikal region from 16–17th centuries till the middle of the 2nd millennium AD – population of the early Mongolian culture (7–15th centuries AD), Kurumcha culture (6–14th centuries AD), Burkhotui culture (6–10th centuries A), Xiongnu (3rd century BC – 2nd century AD), Slab Grave culture (15th–3rd centuries BC). The author submits adjustment into definition of the date of formation of conducting cattle breeding in the region of Buryatia around three thousand years ago according

to the expert ethnographers. In the article is proposed a new chronological dating of nomad cattle breeding origins in Transbaikalia and Mongolia, which is defined by the middle of the 2nd millennium AD, i.e. on the half of the millennium earlier than it was accepted before. The deduction is based on the correlation of archaeological and paleogeographical research materials in the territory of southern Transbaikalia and Mongolia. The formation of nomad and semi nomadic cattle breeding in Transbaikalia and Mongolia occurred as a result of paleoeconomy's adaptation of the population of Selenga-Dauria culture in the end of the 3rd millennium till the first half of the 2nd millennium AD to the extreme continental climate which was forming during the first half of the 2nd millennium AD. Climate's aridification was accompanied with increasing of cattle breeding in the conditions of steppe and forest-steppe expansion in the landscape of southern Transbaikalia and Mongolia. The establishment of the extreme continental climate in the middle of the 2nd millennium AD has determined the transformation of the settled tillers and breeders economy into nomadic economy of nomad and semi-nomadic people. As a result of these processes in the middle of the 2nd millennium AD it has occurred the replacement of the Selenga-Dauria culture to the slab grave culture, and the population of the latter was engaged in the nomad and semi-nomadic cattle breeding.

Keywords: Buryats, nomadic cattle breeding, genesis, retrospective method, Middle Age, antiquity, paleogeography, climate change, aridification, adaptation.

References

- Abayeva L. L., Zhukovskaya N. L. (Eds.) *Buryaty [Buryats]*. Moscow, Nauka Publ., 2004, 633 p. (In Russ.)
- Alekseev V. P., Gokhman I. I. *Antropologiya aziatskoi chasti SSSR [Anthropology of the Asian part of USSR]*. Moscow, Nauka Publ., 1984, 208 p. (In Russ.)
- Alekseev V. P., Gokhman I. I., Tumen D. *Kratkii ocherk paleoantropologii Tsentralnoi Azii (kamennyi vek – epokha rannego zheleza) [A brief essay of Central Asia Paleoanthropology (Stone Age – Early Iron Age)]*. *Arheologiya, etnografiya i antropologiya Mongolii [Archaeology, Ethnology and Anthropology of Mongolia]*. Novosibirsk, Nauka Publ., 1987, p. 231. (In Russ.)
- Bazarov V. B. (Ed.) *Istoriya Buryatii. XVII – nachalo XX vv. [History of Buryatia. From 17th to the beginning of 20th centuries]*. Ulan-Ude, BSC SB RAS, 2011, Vol. 2, 624 p. (In Russ.)
- Danilov S. V. (Ed.) *Istoriya Buryatii. Drevnost i srednevekovie [History of Buryatia. Ancient time and the Middle Ages]*. Ulan-Ude, BSC SB RAS, 2011, Vol. 1, 328 p. (In Russ.)
- Dashibalov B. B. *Arkheologicheskie pamyatniki kurykan i khori [Archaeological sites of Kurykan and Hori]*. Ulan-Ude, BSC SB RAS Publ., 1995, 191 p. (In Russ.)
- Davydova A. V. *Ivolginskii kompleks (gorodishche i mogilnik) – pamyatnik khunnu v Zabaikalie [Ivolga complex (settlement and cemetery) is the Xiongnu monument in Transbaikalia]*. Leningrad, LSU Publ., 1985, 111 p. (In Russ.)
- Dikov N. N. *Bronzovyi vek Zabaikaliya [The Bronze Age of the Transbaikalia]*. Ulan-Ude, Buryat Book Publ., 1958, 180 p. (In Russ.)
- Dinesman L. G., Kiseleva N. K., Knyazev A. V. *Istoriya stepnykh ekosistem Mongolskoi Narodnoy Respubliki [The history of steppe ecosystems of the Mongolian People's Republic]*. Moscow, Nauka Publ., 1989, 215 p. (In Russ.)
- Dorofeyuk N. I. *Rekonstruktsiya prirodnykh uslovii Vnutrenney Azii v pozdnelednikovoye i golotsene (po materialam diatomovogo i palinologicheskogo analizov ozernykh osadkov Mongolii): Avtoref. dis. ... dokt. biol. nauk. [Reconstruction of the natural environment of Inner Asia in the Late Glacial and Holocene (based on diatom, and palynological analyzes of lake sediments in Mongolia): Doc. biol. sci. syn. diss.]*. Moscow, 2008, 49 p. (In Russ.)
- Dorzh D. *Kamennyi vek Mongolii: Avtoref. dis. ... dokt. ist. nauk. [Stone Age of Mongolia: Doc. histor. sci. syn. diss.]*. Novosibirsk, 1990, 37 p. (In Russ.)

- Dorzhsuren Ts. *Umarд khunnu [Northern Xiongnu]*. Ulaanbaatar, AS MPR Publ., 1961, 111 p. (In Mongol.)
- Endogiin G. *Atmosferynye osadki Mongolskoi narodnoy respubliki: Avtoref. dis. ... kand. geograf. nauk. [Atmospheric precipitation of the Mongolian People's Republic: Cand. geograph. sci. syn. diss.]*. Leningrad, 1972, 15 p. (In Russ.)
- Erdenebaatar D. *Mongol nutgiyn dorvolzhin bulsh, hirigsuuriyn soYol [Mongolian graves and rugged culture]*. Ulaanbaatar, Soembo printing, 2002, 275 p. (In Mongol.)
- Gerasimov I. P. *Predbaikale i Zabaikale. Prirodnye usloviya i estestvennye resursy SSSR [Cis-Baikal and Transbaikalia. Natural conditions and natural resources of the USSR]*. Moscow, Nauka Publ., 1965, 492 p. (In Russ.)
- Grishin Yu. S. *Pamyatniki neolita, bronzovogo i rannego zhelezного vekov lesostepного Zabaikaliya [Neolithic, Bronze Age and Early Iron Age sites of the forest-steppe of Transbaikalia]*. Moscow, Nauka Publ., 1981, 204 p. (In Russ.)
- Imenohoev N. V. K voprosu o kulture rannikh mongolov (po dannym arkhologii) [On the culture of the Early Mongols (according to archaeological data)]. *Etnokulturnye protsessy Yugo-Vostochnoi Sibiri v srednie veka [Ethnocultural processes of the South-Eastern Siberia in the Middle Ages]*. Novosibirsk, Nauka Publ., 1989, pp. 55–62. (In Russ.)
- Imenokhoev N. V. Rannemongolskaya arkhologicheskaya kultura. [Early Mongolian archaeological culture]. *Arkhologicheskie pamyatniki epokhi srednevekovya v Buryatii i Mongolii [Archaeological sites of the Middle Ages in Buryatia and Mongolia]*. Novosibirsk, Nauka Publ., 1992, pp. 23–48. (In Russ.)
- Istoriya Buryat-Mongolskoi ASSR [History of the Buryat-Mongolian ASSR]*. Ulan-Ude, Buryat-Mongolian Publ., 1954, 496 p. (In Russ.)
- Kirillov I. I. *Vostochnoe Zabaikalie v drevnosti: Avtoref. dis. ... dokt. ist. nauk [Eastern Transbaikalia in Ancient time: Doc. histor. sci. syn. diss.]*. Novosibirsk, 1981, 38 p. (In Russ.)
- Kiselev S. V. Epokha proizvodstva orudii iz bronzy [The Age of Production of Bronze Tools]. *Istoriya Mongolskoi narodnoy respubliki [History of the Mongolian People's Republic]*. Moscow, AS USSR Publ., 1954, pp. 46–51. (In Russ.)
- Konovalov P. B. *Khunnu v Zabaikalie [Xiongnu in Transbaikalia]*. Ulan-Ude, Buryatian Book Publ., 1976, 247 p. (In Russ.)
- Kovychev E. V. *Istoriya Zabaikaliya I – ser. II tys. n. e. [History of Transbaikalia in the 1st – the middle of 2nd millennium AD]*. Irkutsk, ISPI, 1984, 82 p. (In Russ.)
- Kyzlasov L. R. Srednevekovye pamyatniki Zapadного Zabaikaliya [Medieval sites of Western Transbaikalia]. *Arheologiya SSSR. Stepi Evrazii v epokhu srednevekoviya [Archaeology of the USSR. Eurasian Steppes in the Middle Ages]*. Moscow, Nauka Publ., 1981, pp. 59–61. (In Russ.)
- Lbova L. V., Grechischev E. R. *K probleme poselenii epokhi metalla stepnoi zony Zapadного Zabaikaliya [To the problem of settlements of the Metall Age of the steppe zone of Western Transbaikalia]*. *Kultury i pamyatniki bronzovogo i rannego zhelezного vekov Zabaikaliya i Mongolii [Cultures and sites of the Bronze and Early Iron Age of Transbaikalia and Mongolia]*. Ulan-Ude, BSC SB RAS, 1995, pp. 7–17. (In Russ.)
- Mogilnikov V. V. *Khunnu Zabaikaliya [Xiongnu in Transbaikalia]*. *Arheologiya SSSR. Stepnaya polosа Aziatskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya [Archaeology of the USSR. The Steppe Zone of the Asian part of USSR to the Scythian-Sarmatian Time]*. Moscow, Nauka Publ., 1992, pp. 254–273. (In Russ.)
- Murzaev E. M. *Mongolskaya Narodnaya respublika. Fiziko-geograficheskii ocherk [The Mongolian People's Republic. A physic-geographical essey]*. Moscow, Geografiz Publ., 1952, 472 p. (In Russ.)
- Novgorodova E. A. Rannii etap etnogeneza narodov Mongolii (konets III – I tys. do n. e.) [Early stage of the ethnogenesis of the Mongolian peoples (end of 3rd – 1st millennium BC)]. *Etnicheskie problemy istorii Tsentralnoi Azii v drevnosti (II tysyacheletie do n.e.) [Ethnic problems of the history of Central Asia in Ancient time (2nd millennium BC)]*. Moscow, Nauka Publ., 1981, pp. 207–215. (In Russ.)

Ocherki istorii i kulturyi Buryatii [Essays on the history and culture of Buryatia]. Ulan-Ude, Buryatian Book Publ., 1972, Vol. 1, 491 p. (In Russ.)

Okladnikov A. P. *Neolit i bronzovyi vek Pribaikaliya. Glazkovskaya kultura [Neolithic and Bronze Age of the Cis-Baikal region. Glazkovskaya culture]*. Moscow, Leningrad, USSR Academy of Sciences Publ., 1955, part 3, 374 p. (In Russ.)

Okladnikov A. P. Epokha pervobytnoobschinnogo stroya na territorii Buryat-Mongolskoi ASSR [The epoch of the primitive communal system on the territory of the Buryat-Mongolian ASSR] *Istoriya Buryat-Mongolskoy ASSR [History of the Buryat-Mongolian ASSR]*. Ulan-Ude, Buryatian Book Publ., 1954, Vol. 1, pp. 9–24. (In Russ.)

Okladnikov A. P., Derevyanko A. P. Tamtsag-Bulak – neoliticheskaya kultura Vostochnoi Mongolii [Tamtsag-Bulak is the Neolithic Culture of the Eastern Mongolia]. *Materialy po istorii i filologii Tsentralnoi Azii [Materials on the History and Philology of Central Asia]*. Ulan-Ude, Buryatian Book Publ., 1970, pp. 3–20. (In Russ.)

Okladnikov A. P., Kirillov I. I. *Yugo-Vostochnoe Zabaikalie v epokhu kamnya i rannei bronzy [South-Eastern Transbaikalia in the Stone Age and Early Bronze Age]*. Novosibirsk, Nauka Publ., 1980, 176 p. (In Russ.)

Popov S. P., Preobrazhenskii V. S. (Ed.) *Tipy mestnosti i prirodnoe raionirovanie Chitinskoj oblasti [Types of terrain and natural zoning of the Chita region]*. Moscow, AS USSR Publ., 1961, 158 p. (In Russ.)

Rudenko S. I. *Kultura khunnov i noinulinskie kurgany [The Xiongnu culture and the Noin-Ula burial mounds]*. Moscow, Leningrad: Nauka Publ., 1962, 206 p. (In Russ.)

Sosnovskii G. P. Rannie kochevniki Zabaikaliya [Early nomads of Transbaikalia]. *KSIIIMK [Brief Reports of Institute of History and Material Culture]*. 1940, Vol. 8, p. 36–42. (In Russ.)

Sosnovskii G. P. Plitochnyie mogilyi Zabaikalya [Slab graves of Transbaikalia]. *TOIPK GE [Proceedings of the Department of the History of the Primitive Culture of the State Hermitage Museum]*. 1941, Vol. 1., pp. 273–309. (In Russ.)

Taskin V. S. *Materialy po istorii syunnu [Materials on Xiongnu History]*. Moscow, Nauka Publ., 1968, Is. 1, 178 p. (In Russ.)

Torbat Ts. *Pogrebalnaya obryadnost ryadovyih hunnu: Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. [Funeral rites of ordinary Xiongnu: Cand. histor. sci. syn. diss.]*. Ulaanbaatar, 2004, 23 p. (In Mongol.)

Tsybiktarov A. D. *Kultura plitochnyikh mogil Zabaikaliya i Mongolii: Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Slab Grave Culture of Mongolia and Transbaikalia: Cand. histor. sci. syn. diss.]*. Moscow, 1989, 24 p. (In Russ.)

Tsybiktarov A. D. *Kultura plitochnyih mogil Mongolii i Zabaikalya [Slab Grave Culture of Mongolia and Transbaikalia]*. Ulan-Ude, BSU Publ., 1998, 288 p. (In Russ.)

Tsybiktarov A. D. *Tsentralnaya Aziya v epokhu bronzy i rannego zheleza (II – pervaya polovina I tys. do n. e.) [Central Asia in the Bronze Age and Early Iron Age 2nd – the first half of 1st millenium BC]. Doc. of histor. sci. syn. diss.]*. Novosibirsk, 2003, 49 p. (In Russ.)

Tsybiktarov A. D. *Tsentralnaya Aziya na zare bronzovogo veka (konets III - pervaya polovina II tys. do n.e.) [Central Asia at the dawn of the Bronze Age (from late 3rd to first half of the 2nd millennium BC)]*. Ulan-Ude, BSU Publ., 2006, 236 p. (In Russ.)

Tumen D. *Voprosy etnogeneza mongolov v svete dannykh paleoantropologii: Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. [Issues of the ethnogenesis of the Mongols according to paleoanthropology data: Cand. histor. sci. syn. diss.]*. Moscow, 1985, 20 p. (In Russ.)

Vipper P. B., Dorofeyuk N. I., Meteltseva E. P., Sokolovskaya V. T. *Landshaftno-klimaticheskie izmeneniya v Tsentralnoi Mongolii v golotsene [Landscape and climatic changes in Central Mongolia in the Holocene]. Paleoklimaty pozdnelednikovyya i golotsena [Paleoclimates of Late Glacial and Holocene]*. Moscow, Nauka Publ., 1989, pp. 160–167. (In Russ.)

Volkov V. V. *Bronzovyi i rannii zheleznyi veka Severnoi Mongolii [Bronze and Early Iron Ages in Northern Mongolia]*. Ulan-Bator, AS MPR Publ., 1967, 148 p. (In Mongol.)

Vyatkina K. V. *Ocherki kultury i byta buryat [Essays of culture and life of the Buryats]*. Leningrad, Nauka Publ., 1969, 219 p. (In Russ.)

Yaremchuk O. A. *Mogilnik Zorgol I – pamyatnik khunno-syanbiiskoi epokhi stepnoi Daurii: Avtoref. dis. kand. ist. nauk [Zorgol I burial ground is a monument of the Xiongnu-Xianbi era of the Daurian steppe: Cand. histor. sci. syn. diss.]*. Novosibirsk, 2005, 23 p. (In Russ.)

Zoriktuev B. R. *Aktualnye problemy etnicheskoi istorii mongolov i buryat [Actual problems of the ethnic history of the Mongols and Buryats]*. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2011, 278 p. (In Russ.)

Цыбиктаров Александр Дондопович
доктор исторических наук, профессор,
кафедра всеобщей и отечественной
истории; Бурятский государственный уни-
верситет; Россия, 670000, Республика
Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, д. 24а
e-mail: a.d.tsibiktarov@gmail.com

Tsibiktarov Alexander Dondopovich
Doctor of Sciences (History), Professor,
Department of World and Russian History;
Buryat State University; 24a, Smolin st.,
Ulan-Ude, Republic of Buryatia, 670000,
Russia
e-mail: a.d.tsibiktarov@gmail.com